Митяев Олег

05.06.98

Антракт

Веч. Москва. – 1998. – 5 июня. – с. 6.

Барды решают все

Дмитрий ОРЛОВ

После концерта он утомленно ест мороженое. Оно еще не талое, в шоколадно-ванильных шариках клубничные вкрапления. Вспоминается из его песни: «Молчать и есть черешню из Прованс...» Но черешни нет, есть клубника. Олег рассуждает о «клубничке».

Фото Михаила КОВАЛЕВА

— Меня всегда поражает, что у журналистов наряду с порнухой-чернухой, кровью всегда есть возможность написать о чем-то светлом, причем просто отконстатировав факты (перед этим шла речь о Грушинском фестивале, и имеются в виду конкретные журналисты. — Авт.). А вместо этого они обязательно найдут отрицательные стороны фестиваля и только об этом напишут... Но я думаю, что польза от этого мероприятия стоит того, чтобы этот фестиваль проводить. И надо просто знать, что организаторы делают все возможное для того, чтобы не загадить природу и обезопасить людей, заботятся о том, чтобы земля отдохнула, и собираются на этом месте устроить певческое поле для всей России. Это такое намоленное место, уже 30 лет туда приезжают люди, даже когда приезжать категорически запрещали. А сейчас — когда надо за немалые деньги билет покупать — со всей страны съезжаются 150 тысяч, это в полтора раза больше, чем Вудсток. Для чего? Не поколоться, а послушать хорошие песни...

— Все-таки что сегодня первично в этом движении — общение или песни?

— Общение, конечно, да. Но то, вокруг чего это вяжется, — песни. И члены жюри очень озабочены тем, чтобы не потерять поэтический уровень фестиваля. Я просто вижу все это изнутри и знаю, что они за это борются.

— Случается, молодых авторов иногда не замечают. Но неизвестность — не лучшая подпитка для творческого человека, не правда ли?

— Но и ставить знак равенства между известностью и качеством песни — абсолютно глупо. Вот кто-то, вспоминая «вчерашний день», может сказать: люди сидели на кухне, пели и — что? Где эти песни? Нет, просто мы не слышим их. В своем кругу они известны, и если я сейчас возьму гитару и вам спою что-нибудь, вы скажете: да-а-а, это класс! Но широкие массы их не слышат... Однажды объединение «Первый круг» выступало с программой по Галичу, а кто-то из рабочих встал на концерте и сказал: «Вот вы тут чего-то блямкаете, а кто из вас написал «Подмосковные вечера»?». На что Мирзоян ему ответил: «Если бы наши песни передавали так же часто, то еще неизвестно, кто бы...» Просто люди, их авторы, не умеют локтями разгребать других, чтобы себя показать. Есть и поэты замечательные, но они не занимаются своей раскруткой. А это признак времени, и если человек этого не делает, то его как бы не видно...

Но все равно, когда собираются деньги и звезда делается технически, становится скучно, пропадает какая-то тайна.

— Насколько ваш жанр подчиняется законам шоу-бизнеса?

— Видимо, если ты артист, ты должен подчиняться законам шоубизнеса. И мы дошли до этой черты, и нам говорят: давайте, сейчас мы вкладываем бабки, раскручиваем вас, потом вы гастролируете, а мы с концертов и компактов часть отчисляем себе — и вы получаете, и мы получаем. Но это искусственно, мне кажется, это какой-то форсаж, который превращает жизнь в игру. А не хотелось бы — хотелось бы жить просто: ходить в баню, общаться с товарищами и всячески стараться замедлять этот процесс, а не ускорять. Когда ты наперед знаешь, что за два года ты снимешь вот это, сделаешь вот это, потом получишь столько... В цивилизованных странах — мы наблюдали — люди на двадцать лет вперед знают, когда у них отпуск, когда у них пенсия и прочее-прочее. Нет! Стабильность — вещь хорошая, но что-то мы к ней не привыкли.

Похоже на то, и песни его будто отражают это. Во многих — дорога либо предчувствие ее; сборы, большей частью быстрые и, конечно же, не к материальной сфере вещей относящиеся; крушение уюта, неизбежные разлуки и уходы, невозможность остаться; двери, закрываемые «с той стороны», выброшенные ключи. Неуемность, этакая бездомность во всем, душевная непоседливость... Да вы наверняка сами слышали, знаете.

— Как вас правильно величать: бард, автор-исполнитель?

— Мне все равно. Акын, миннезингер, менестрель — это роли никакой не играет.

— Но все же «авторская песня» это не ругательное выражение?

— С самого начала хотел вам сказать: для меня вообще никогда не существовала авторская песня. Не существовало ни попсы, ни рока. Ведь вверху — Окуджава, Гребенщиков, Шевчук, Чиж и, скажем, Мищуки, Никитин — все равно это все смыкается. И человеку, соображающему в музыке, приятно слушать независимо от жанра. В детстве, в пору толстых песенников — помните, были такие? — у меня в них соседствовали «На братских могилах не ставят крестов», и «Говорят, что некрасиво, некрасиво...», и «Милая моя, солнышко лесное». То есть здесь и Высоцкий, и Визбор, и попса какая-то, все переплетено. И мне кажется, что так должно быть.

— Вы сами анализируете свое творчество?

— Нет, мне это неинтересно. Я вообще не любитель обобщений и угадывания каких-то тенденций. Меня больше интересуют исключения какие-нибудь и неожиданные повороты. А к этому вопросу... Я почитал курсовую работу одной студентки литературного института о том, что я делаю. Мне очень, конечно, было интересно. Но сам до этого додуматься я бы не смог.

— Был у вас момент, когда вы почувствовали: ну все, я оперился?

— Да не почувствовал я... И тем более если бы я окончил литинститут и консерваторию и потом написал бы несколько народных хитов, я б сказал: вот теперь я в этом деле мастер. А так я ничего подобного не заканчивал и песни получаются от случая к случаю... Я могу сказать только, что это судьба. И это меня кормит, и, слава Богу, песни пишутся.

— А вы считаете, что до сих пор не написали народный хит?

— Я об этом не должен задумываться...

На концерте он лукаво просит: «Ну вы хоть дома не слушайте!», справедливо полагая, что пришедшие к нему зрители многое знают почти наизусть. Но в этом-то и суть — слушать часто и при любой возможности, дабы не разряжать с я, не отключаться от источника незамутненных эмоций, аккумулировать чистую энергетику светлой грусти и предпоследней надежды. И каждый раз кажется неизъяснимо странным (хотя чего странного?): как ему удается из слов, известных всем нам, из звуков, которые могут услышать и воспроизвести все, из чувств, доступных каждому, создавать такие сочетания, а из этих сочетаний создавать такие песни, после коих еще сильней хочется и жить, и помереть одновременно, и — одновременно же — безысходно напиться от растревоженной тоски и возвышенно пробудиться. По-детски поверить, что все еще возможно, по-взрослому вновь заметить, что не все зря. Кто наделил его правом так хозяйничать в наших душах? Вероятно, тот же, кто дал ему этот дар-ключик к ним.

— Вы много гастролируете, а это новые встречи, общение... Необходимость расставания угнетает?

— Это работа. Написание песен, выступление — это праздник и удовольствие. А вот разлука и дорога — работа, и от нее никуда не денешься. И, с другой стороны, к ней привыкаешь.

— Глядя на ваш неразлучный дуэт с Константином Тарасовым, хочется поинтересоваться: не устаете ли вы порой друг от друга?

— Всякое бывает. Иногда и послать друг друга хочется подальше. Но обходится, так как из нашего общения все же что-то получается.

— Отвечая на вопросы новогодней анкеты «Вечерки», вы сказали, что «все мы стали очень разные». Что же привлекает именно разных людей к вашим песням?

— Наверно, лирическая сущность, если говорить коротко. А она есть и у заядлых туристов, скажем, таких бессребреников, которые наслаждаются бесплатными путешествиями с рюкзаком по родному краю, и у преуспевающих бизнесменов, потому что от нее не избавиться.

— О попсовом террариуме мы наслышаны и начитаны. А какова атмосфера в среде бардов? Насколько чист и здоров воспетый некогда «певчий клин»? Насколько принято, например, «помогать начинающим»?

— Я уже говорил: в силу определенного интеллекта грязи здесь значительно меньше. Думаю, она как бы должна быть, коли люди общаются, но я говорю: значительно меньше, чтобы не сказать, что ее нет вообще, — может, я чего-то не знаю. Помощь?.. Один мой знакомый просил меня, чтобы я помог ему выступить на сцене, где выступают мэтры, так сказать, потому что он тоже давно пишет песни. И мне почему-то стало неудобно, я понял, что туда нельзя попасть по протекции. На сцену эту выходят люди, которых ждет публика. Она их знает, любит и ждет. Вмешиваться в этот процесс мне бы не хотелось.

— Ощущали ли вы — по хорошему или иначе — влияние чужого творчества? Если да, то как с ним боролись?

— Неосознанно, наверно, это бывает, потому что влияет все. То касается нашего жанра, то, скажем, в свое время песни Суханова мной были выучены почти все; то же — песни Розенбаума. А бороться мне и не надо было, так как я не собирался заниматься песнями серьезно. Я смело мог подражать и даже несколько песен было написано «под Суханова». Это я потом уже понял, когда мне говорили: ну вот, как у Суханова... И когда теперь говорят: ну это под Митяева или это митяевщина — мне удивительно, потому что я не знаю, как вообще это делается.

Опять же на концерте... Он вздыхает: «Эх, спеть бы сейчас песню строевую. Но... Не пишутся такие». Поэтому для паузы он резвится в бодрых застольно-народных шлягерах, рассказывает анекдоты, ерничает... Приходит непременная записка: «Спойте «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Неявно поморщившись, он рассказывает: «Ребенок приехал из «Артека», говорит: нас там заставляли петь эту песню». Но под занавес заявка исполняется, причем в процессе нечаянно обрывается струна и финишировать приходится на пяти.

— Как вы, Олег, полагаете: существует ли у творческих людей проблема вовремя остановиться? Вот некоторые исполнители и группы как раскочегарились лет тридцать назад, так до сих пор и катятся. Мужикам уже под полтинник, а они все поют одну и ту же песню, на трех аккордах: «пошел-не дошел, искал-не нашел»...

— Так как у меня не было проблемы «вовремя начать», то и этой проблемы нет... Когда мы видим, как человек поет одни и те же песни уже много лет и от этого страдает, нам вот это прежде всего неприятно. А если он делает это с удовольствием — что ж тут плохого... Уж как Бог пошлет: будут появляться песни — хорошо, не будут — я с этим ничего поделать не смогу. Но на такой случай есть много проектов других, можно петь и записывать песни других авторов, с большим удовольствием доносить их до публики. Жизнь-то не кончается. Поступают какие-то предложения — написать на заказ для фильма, для спектакля. Как-то мы с Булатом Шалвовичем беседовали, он говорит: «Это у всех бывает: сейчас не пишется. Читайте побольше пока и ждите». Так оно и происходит. У нас ведь «неплановое хозяйство», никто над нами не висит: давай-давай, а то потеряешь популярность.

Концерт окончен. Группа поклонников пристраивается на крыльце для фотографии. И тут — вот удача-то — из дверей появляется Олег Митяев. Гитара в футляре. Присоединяется, радостно вскинув руки — ап! Снято.